

Информация для цитирования:

Шакенова М. Т. Медиаманипулирование : лингвистическая параметризация с применением цифровых технологий / М. Т. Шакенова, Д. С. Ташимханова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 9. — С. 244—269. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-244-269.

Shakenova, M. T., Tashimkhanova, D. S. (2025). Media Manipulation: Linguistic Parameterization through Digital Technologies. *Nauchnyi dialog*, 14 (9): 244-269. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-244-269. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Медиаманипулирование: лингвистическая параметризация с применением цифровых технологий

Шакенова Майгуль Тулегеновна

orcid.org/0000-0002-1329-4939

кандидат филологических наук

maigul1379@mail.ru

Ташимханова Дыбыс Сартаевна

orcid.org/0000-0002-4792-9453

кандидат филологических наук,

корреспондирующий автор

dst2010@mail.ru

Южно-Казахстанский университет

им. М. Ауэзова

(Шымкент, Казахстан)

Благодарности:

Исследование финансировалось
Комитетом по науке Министерства науки
и высшего образования Республики
Казахстан (грант № AP19679821
«Разработка методики распознавания
медиаманипулирования и продвижения
медиаграмотности в условиях
информационного пространства
Казахстана»)

Media Manipulation: Linguistic Parameterization through Digital Technologies

Maigul T. Shakenova

orcid.org/0000-0002-1329-4939

PhD in Philology

maigul1379@mail.ru

Dyby S. Tashimkhanova

orcid.org/0000-0002-4792-9453

PhD in Philology,

corresponding author

dst2010@mail.ru

South Kazakhstan

University named after M. Auezov

(Shymkent, Kazakhstan)

Acknowledgments:

This research was funded
by the Science Committee
of the Ministry of Science and
Higher Education of the Republic
of Kazakhstan
(grant № AP19679821 “Development
of a methodology for recognizing media
manipulation and promoting media literacy
in the information space of Kazakhstan”)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование, направленное на выявление лингвистических параметров медиаманипулирования в казахстанском медиадискурсе с применением цифровых технологий. Рассматриваются вопросы скрытого психолого-информационного воздействия в массмедиа. Подчеркивается, что сложность феномена медиаманипуляции заключается в его имплицитности и затемненности содержания. Источниками выступили 1673 русскоязычных медиатекста, извлеченных из казахстанских интернет-изданий. Использованы методы корпусной и описательной лингвистики, приемы дискурс-анализа. Установлено, что манипулятивный эффект формируется посредством совокупности языковых параметров, системно реализующих скрытое воздействие на реципиента. Предложена классификация выявленных языковых параметров. Основными критериями распознавания манипулятивных текстов предлагается считать частотность и контекстное функционирование языковых единиц с манипулятивным потенциалом. Для анализа использовались тематические словари и алгоритмы, фиксирующие наиболее типичные лексические, графические и грамматические признаки манипулятивности. Сообщается, что в ходе работы было сформировано четырнадцать тематических словарей, включающих лексические единицы, обладающие манипулятивным потенциалом: словарь негативной лексики; словарь разговорной и жаргонной лексики; словарь инвективной лексики; словарь генерализаторов (местоимений); словарь интенсификаторов (усилительных слов) и др.

Ключевые слова:

медиаманипулирование; медиадискурс; корпусная лингвистика; русскоязычные казахстанские медиа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the linguistic parameters of media manipulation within the Kazakhstani media discourse, utilizing digital technologies. It addresses issues of covert psychological and informational influence in mass media. The complexity of the media manipulation phenomenon is highlighted, particularly its implicitness and obscured content. The research draws upon a corpus of 1,673 Russian-language media texts sourced from Kazakhstani online publications. Employing methods from corpus linguistics and descriptive linguistics, alongside discourse analysis techniques, the study establishes that the manipulative effect is generated through a combination of linguistic parameters that systematically enact hidden influence on the recipient. A classification of the identified linguistic parameters is proposed. The primary criteria for recognizing manipulative texts are suggested to be the frequency and contextual functioning of linguistic units with manipulative potential. The analysis utilized thematic dictionaries and algorithms to capture the most typical lexical, graphical, and grammatical features of manipulateness. It is reported that fourteen thematic dictionaries were developed, encompassing lexical units with manipulative potential, including a dictionary of negative lexicon, a dictionary of colloquial and jargon language, a dictionary of invective lexicon, a dictionary of generalizers (pronouns), and a dictionary of intensifiers (amplifying words), among others.

Key words:

media manipulation; media discourse; corpus linguistics; Russian-language Kazakhstani media.

УДК 81'272+821.161.1'42:070(574)

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-244-269

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Медиаманипулирование: лингвистическая параметризация с применением цифровых технологий

© Шакенова М. Т., Ташимханова Д. С., 2025

1. Введение = Introduction

В настоящее время наблюдается большое влияние медиадискурса на формирование общественного сознания, трансформацию массовых установок, эмоциональных реакций и моделей поведения аудитории. Цифровизация медиасферы способствует стремительному росту объемов медиаконтента и предоставляет новые инструменты распространения информации в режиме реального времени. Использование современных цифровых платформ, алгоритмов персонализации, нейросетевых рекомендаций и механизмов таргетинга позволяет медиадискурсу непрерывно расширять охват и оказывать более точечное воздействие на различные сегменты аудитории.

По данным последних исследований [Вестербай и др., 2023, с. 34], в Казахстане фиксируется быстрый рост медиапотребления, сопровождающийся смещением интереса аудитории от традиционных каналов коммуникации — телевидения и печатной прессы — к цифровым платформам, онлайн-порталам и социальным сетям.

Медиатрансформация сопровождается повышением информационных рисков, включая рост уровня дезинформации, снижение критичности восприятия и манипулятивное искажение действительности. В условиях информационной перегрузки медиасреды усиливается воздействие скрытых форм манипуляции, способных провоцировать общественную дестабилизацию.

Как показывают исследования, растет недовольство и недоверие ко многим институтам, в том числе к СМИ. Так, исследование Edelman Trust Barometer 2025 (Global Report: Trust and the Crisis of Grievance) показало, что наблюдается путаница с достоверной информацией: 63 % респондентов по всему миру отмечают, что возникают трудности в понимании надежности источника информации. Также 61 % опрошенных по всему миру поддерживают агрессивные действия как способ решения социальных

проблем, одобряют такие формы враждебного активизма, как нападения в интернете, преднамеренное распространение дезинформации, угрозы или насилие. Следует отметить, что это мнение наиболее распространено среди молодежи 18—34 лет [Edelman Trust Barometer ..., 2025].

Основным инструментом информационно-психологического воздействия на массового читателя выступают манипулятивные медиатексты, которые в условиях цифровой среды приобретают вирусный характер распространения благодаря репостной культуре социальных медиа.

Возрастающий поток манипулятивной информации, влияющей на сознание и настроение массовой аудитории, нуждается в тщательном анализе и обработке больших баз медиаданных, что невозможно без применения цифровых технологий и методик. В связи с этим представляются актуальными изучение феномена манипуляции, выявление лингвистических параметров массмедиаманипулирования, а также алгоритмизация данных параметров для цифрового распознавания манипулятивной медиапубликации. В настоящей статье описаны лингвистические параметры медиаманипулирования с применением цифровых технологий. Особое внимание уделяется разработке методики параметризации и автоматизированного выявления манипулятивных паттернов с использованием инструментов корпусного анализа и методов машинного обучения. Необходимо отметить, что лингвистическая параметризация манипулятивного медиадискурса сопряжена с определенными трудностями, что в основном объясняется имплицитным, контекстуально-зависимым характером языковой репрезентации манипуляции и высокой степенью прагматической вариативности используемых манипулятивных приемов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для идентификации и систематизации лингвистических параметров медиаманипулирования был сформирован малый корпус объемом 1673 публикации. При формировании корпуса мы руководствовались операциональным определением манипулятивности медиатекста как совокупности языковых средств, выполняющих манипулятивную функцию, то есть таких, которые способны направлять восприятие и оценку читателя без прямого аргументирования. Манипулятивный медиатекст трактуется в исследовании как комплексная структура, реализующая совокупность лингвистических параметров, направленных на скрытое влияние на реципиента. Отбор текстов осуществлялся на основе детального прочтения и дискурсивного анализа лингвистами-экспертами, которые проводили лингвистическую разметку по заранее определенным признакам манипулятивности (языковым средствам, обладающим манипулятивным потен-

диалом). В корпус были включены только те тексты, в которых выявлена совокупность средств, системно воздействующих на восприятие адресата.

Корпус сформирован из русскоязычных текстов, представляющих развернутые аналитические материалы, посвященные актуальным социально-политическим и общественным проблемам. В качестве источников фактического материала использовались национальные и региональные казахстанские информационные интернет-платформы.

При анализе корпуса медиаданных был использован инструментарий корпусной и компьютерной лингвистики, включающий методы автоматизированного выделения ключевых лексем, анализа коллокаций, частотных характеристик и синтаксических шаблонов. Для выявления дискурсивных и прагматических признаков манипуляции применялись методы описательной лингвистики и критического дискурс-анализа. В качестве основного подхода исследования определен системный подход, что обусловлено сложной природой объекта анализа — манипулятивного медиатекста, на пересечении лингвистики, когнитивной психологии, медиакommunikаций и цифровых технологий. Такой трансдисциплинарный подход позволяет рассматривать медиаманипулирование как комплексное явление, репрезентированное как на вербальном, так и на прагматическом уровне.

Проведенный нами контент-анализ научных исследований по вопросам манипуляции и медиаманипулирования позволил выявить отличительные признаки данных понятий. Исследователи подчеркивают необходимость многоаспектного изучения явления манипуляции. Одним из подходов к изучению феномена манипуляции является триангулярный подход, совмещающий дискурсивный, когнитивный и социальный аспекты [Dijk, 2006].

Объединяющим фактором данных исследований является выделение такого признака, как скрытость, затемненность коммуникативного намерения манипулятора, реализуемого через различные языковые средства [Доценко, 1997; Dijk, 2006; Кара-Мурза, 2015]. Манипулятор через скрытое контекстуальное принуждение влияет на читателя, который из ряда возникших перед ним пропозиций неосознанно выбирает наиболее выгодную манипулятору [Maillat, 2013]. Манипуляцию можно рассматривать как «неправовую», деструктивную форму речевого поведения, при которой реализуются негативные коммуникативные намерения автора публикации для скрытого воздействия на читателя.

С учетом того, что исследование сосредоточено на лингвистическом аспекте медиаманипуляции, нами были проанализированы труды, посвященные языковым средствам манипулятивного воздействия. Во многих современных исследованиях объектом изучения выступают различные языковые средства манипулятивного и деструктивного медиатекста [Копнина,

2012; Наварастян, 2017; Данилова, 2009, Карабулатова и др., 2021, Амириду и др., 2023; Дзялошинский, 2022 и др.]. В контексте автоматического диагностирования манипулятивности текста особый интерес представляют исследования Ю. А. Горностаевой [Горностаева, 2018] и А. А. Казакова [Казаков, 2018]. В исследовании Ю. А. Горностаевой разработана и апробирована компьютерная программа-классификатор по определению манипулятивной силы поляризованного политического дискурса. Автором был выделен небольшой арсенал вербальных маркеров манипулятивного воздействия, послуживших основой автоматической параметризации [Горностаева, 2018]. Результаты исследования Ю. А. Горностаевой подтверждают возможность автоматического измерения манипулятивной составляющей массмедийных текстов. По мнению А. А. Казакова, манипулятивный потенциал свойственен любому, даже фактологически и лексически отредактированному медиатексту [Казаков, 2018, с. 79]. Автор очертил пятнадцать параметров измерения манипулятивного медиатекста (заголовки и лиды, содержащие призыв или оценочное суждение; медиаконтент с различными изображениями и подписями к ним; наличие альтернативной точки зрения; апелляция к мнениям экспертов, авторитетов и др.) Каждый параметр наделен числовым значением. По мнению исследователя, сумма числовых значений средств, представленных в анализируемом материале, выступает показателем манипулятивного потенциала этого текста [Казаков, 2018]. Выделенные нами отдельные лексико-грамматические параметры манипулятивного медиатекста были описаны в ряде предыдущих публикаций [Шакенова и др., 2020, Кенжебалина и др., 2020; Parameterization ..., 2024].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лингвистические параметры медиаманипулирования

Нами был проанализирован корпус русскоязычных казахстанских медиатекстов с целью выявления лингвистических параметров медиаманипулирования на разных языковых уровнях. В рамках данной статьи представлены лишь отдельные параметры в качестве примера.

3.1.1. Лексико-фразеологический уровень

3.1.1.1. Эмоционально окрашенные единицы (в исследуемом материале преобладают негативно окрашенные единицы)

Лексический уровень анализируемых медиатекстов характеризуется преобладанием эмоционально-оценочной лексики, использование которой обусловлено присущей им высокой степени экспрессивности. При этом само по себе наличие эмоционально-оценочной коннотации не свидетельствует о манипулятивности. Манипулятивный потенциал таких единиц проявляется в определенном контекстном окружении и при специфиче-

ских условиях их использования. Эмоционально-оценочные средства стимулируют эмоциональные реакции, формируют ассоциативные связи, влияющие на интерпретации содержания получаемой информации. Так, в приведенном ниже тексте, построенном на одностороннем изложении событий, используются эмоционально-окрашенные единицы, усиливающие драматизм ситуации и вызывающие сочувствие к пострадавшей, что способствует формированию негативного впечатления о произошедшем: *Находясь в холле ресторана, он нанес серию **сокрушительных для женщины ударов** кулаками рук по жизненно важному органу — голове, от которых Нукенова, испытывая **жуткую боль**, упала на пол.... Затем, приподняв Нукенову с пола, вновь нанес удар кулаком по голове, и, схватив ее за волосы, с **жестокостью волоком затащил** в VIP зал № 1. ... Выбив дверь туалета, вытащил Нукенову и продолжил целенаправленно, причиняя ей **особые мучения и страдания**, то есть с **особой жестокостью**, наносить множественные удары кулаками и ногами по жизненно важным органам — голове и телу...* [Kursiv.media, 2024]. В данном фрагменте манипулятивность заключается не в содержании (оно открыто), а в способе языковой подачи. Текст избыточно детализирует факт насилия, драматизирует событие, используя эмоционально-оценочные средства: *сокрушительные удары, жуткая боль, особые мучения и страдания, с жестокостью, волоком* и т. п. Намеренное использование таких единиц предполагает стремление вызвать у адресата аффективную реакцию (шок, ненависть, отвращение), что способствует формированию морального осуждения и готовой установки: «виновен — не подлежит оправданию». Применяемый в тексте прием лингвистической гиперболизации и тавтологического усиления служит не передаче новой информации, а усилению эмоционального воздействия. Это форма скрытого воздействия, поскольку адресат не осознает, что им управляют через эмоции, а не через рациональные аргументы. Под видом фактического сообщения эмоционально-дискурсивная манипуляция формирует у адресата нужную оценку происходящего, лишая его возможности критического анализа сообщения. В данном фрагменте представлены и другие параметры медиаманипулирования, однако, на наш взгляд, именно эмоционально окрашенные единицы играют ключевую роль в формировании негативной эмотивной тональности текста.

3.1.1.2. Полисеманты

Параметром медиаманипулирования являются также полисеманты, при переносном употреблении которых актуализируется коннотативная составляющая значения. Эмоционально-оценочный потенциал таких средств реализуется в контексте, объективирующем имплицитное значение слова. Использование в тексте слов в переносном значении может усиливать эмо-

циональный отклик аудитории. В частности, контрастное сопоставление образов способствует формированию негативной оценки описываемых событий и участников коммуникации. Так, в приведенном ниже фрагменте противопоставление активного общества и бездействующей власти служит средством косвенного побуждения к протестным настроениям и поведению: ... судя по всему, **чаша терпения переполнена. Телеграм-чаты кипят, улицы начинают бурлить**, а власть, вместо того, чтобы слушать, продолжает играть в свои игры ... Кажется, что государство видит в гражданах не людей, а **дойных коров**, которых можно **доить до бесконечности** [Всем.ру, 2025]. В этом фрагменте манипулятивный эффект создается совокупностью метафор и контекстом их употребления. Метафоры формируют образ всеобщего возмущения и апеллируют к мнимому консенсусу, создавая иллюзию единодушной общественной реакции. Проводимое через эмоционально нагруженные образы противопоставление власти и граждан усиливает дихотомию «народ — власть» и способствует формированию негативной оценки представителей власти. Скрытое манипулятивное воздействие текста проявляется в эмоциональном заражении аудитории и побуждении воспринимать ситуацию как несправедливую, требующую перемен.

Следует отметить, что метафора сама по себе не равна манипуляции. Тем не менее манипуляция не всегда требует скрытности содержания, она заключается в форме подачи. Прагматический эффект данного сообщения — подготовка аудитории к негативному восприятию событий и легитимизация протестной активности — соответствует операциональному определению манипуляции.

В тексте: *Запоминаем навсегда — **мутный** родственник нанимает частного судебного исполнителя не для того, чтобы тот соблюдал закон, а для того, чтобы он его нарушал* [Караван, 2022] — полисемант **мутный** реализует переносное, оценочное значение, которое ассоциируется с нечестностью, скрытностью и сомнительным поведением. Использование полисеманта смещает восприятие персонажа в отрицательную плоскость, формирует у адресата негативное впечатление и мнение о его недобросовестности и возможной причастности к противоправным действиям. Скрытый характер манипуляции заключается в том, что отрицательная оценка маскируется под нейтральное описание. Автор не высказывает прямых обвинений, а воздействует посредством эмоционально-экспрессивных механизмов, через актуализацию переносного значения слова внушает адресату нужную негативную интерпретацию.

3.1.1.3. Стилистически маркированная лексика

Эффективным инструментом медиаманипулирования выступает стилистически маркированная лексика. К числу таких единиц относятся раз-

говорные, жаргонные слова и устойчивые обороты, инвективная лексика. Использование таких единиц способствует формированию неофициального, неформального стиля изложения, который снижает уровень возможной настороженности адресата, укрепляет его доверие к автору, воспринимаемому как «человека из народа». В результате критическая оценка информации ослабевает, что повышает эффективность манипулятивного воздействия. Потенциал стилистически сниженных единиц активно используется в медиатекстах, освещающих социальные и политические вопросы. Так, в следующем примере использование разговорных единиц в сочетании с другими маркерами манипулятивности формирует негативный образ власти (как неискренней и оторванной от народа), а приближенный к повседневному общению стиль текста способствует эмоциональной вовлеченности адресата и снижению его критического восприятия сообщения: *В переводе с бюрократического на обычный русский язык это означает, что забастовщикам много всего **наобещали** и попутно очень сильно **надавили*** [Kz.expert 2, 2024]. Иными словами, «Новый Казахстан» Токаева обречен исправлять то, что **натворил** «Старый Казахстан» Назарбаева... Но получится ли это у Акорды? Скорее всего, нет, потому что она по-прежнему не готова к подлинному диалогу с гражданами и предпочитает, как и раньше, **забалтывать** проблемы [Kz.expert 1, 2025].

В медиатекстах с целью формирования предвзятого, негативного восприятия ситуации, участников коммуникации нередко используются разговорные фразеологизмы, обладающие выраженным оценочным и экспрессивным потенциалом. Их применение позволяет эмоционально усилить высказывание, придать ему ироничный, пренебрежительный или фамильярный оттенок, а также замаскировать субъективную оценку, создавая видимость объективного изложения. Такой способ подачи информации формирует у адресата иллюзию беспристрастности сообщения, при этом косвенно задает нужную оценку происходящему, что можно наблюдать в следующих примерах: *Эти деньги не дошли до конкретных исполнителей, а значит, **мертвым грузом** пролежали на счетах казначейств. **Посылая голову пеплом**, министр уверил, что не переваренная сумма в два раза меньше, чем за аналогичный период прошлого года* [Zakon.kz, 2017]. *А для масс у нас есть как раз таки «культурные мероприятия» — разовые акции, иногда масштабные и затратные, в которые можно **вбухать** разом все деньги, отпущенные на культуру. Это очень удобно чиновникам: не нужно особо **париться**, думать над трудными вопросами культурного просветительства народа...* [Central Azia Monitor, 2019]. Манипуляция в данных текстах реализуется через использование иронично-оценочных фразеологизмов, придающих нейтральным фактам эмоционально-негатив-

ную окраску. Фразеологическая экспрессия выступает средством скрытого оценочного воздействия, так как активирует у адресата эмоциональные и ассоциативные реакции, не вызывая у него осознания факта манипуляции. В целом, наличие в тексте подобных языковых единиц не свидетельствует о явной манипуляции. Их манипулятивный потенциал реализуется в зависимости от высокой частотности употребления и контекстуального окружения.

3.1.2. Морфологический уровень

3.1.2.1. Интенсификаторы, представленные усилительными словами (частичами, наречиями)

К значимым параметрам медиаманипулирования относятся интенсификаторы, использование которых обусловлено их способностью усиливать семантическую нагрузку ключевых элементов текста. Так, в следующем тексте интенсификаторы, акцентируя внимание на наиболее значимых деталях, усиливают эмоциональное восприятие описываемой ситуации, создают эффект безысходности и несправедливости и способствуют субъективной интерпретации представляемой ситуации: *Наша проблема зимой — это снег, нас заносит **по самую** крышу и акимат **совсем никак не помогает** нам в очистке снега. В чатах просим, чтобы погрузчик приехал и очистил нам **хотя бы** основные дороги, проезды. Но, когда он приезжает, то очищает **только** возле школы, ведь им говорят чистить снег **только** у стратегических объектов. Но нам **ведь даже** из дома выйти нельзя, а у нас дети и внуки... Аким, когда приезжает, говорит, почему наши мужики не чистят снег, но **ведь** очистить все руками здесь **просто невозможно, даже** из дома не выбраться...* [SemeyArnasy, 2022]. Такой способ подачи материала вызывает у адресата сочувствие к сельчанам и одновременно формирует негативный образ власти как бездействующей и безразличной к нуждам населения. Манипулятивный характер текста проявляется в апелляции к эмоциям и смещении акцента с фактов на оценку, что снижает объективность восприятия. В следующем примере интенсификаторы используются для эскалации недовольства и тревоги, создавая ощущение скрытности и несправедливости действий властей: ***Я так и не** увидела ни одного медицинского заключения, на основании которого детям заменили лекарства, что, безусловно, настораживает, ведь обычно обследования проводили. Стала выяснять причины. **И тут** доходит информация, что два препарата в этом году в Казахстан **вообще** поставлять не будут! И все эти новости, которые напрямую касаются здоровья наших детей, мы узнаем самыми последними — **и то только потому**, что шум подняли! Все решают кулуарно, а нас **лишь** перед фактом ставят [Время, 2025].* Повторение эмоционально нагруженных выражений усили-

вает чувство беспомощности, возмущения аудитории, формируя установку на недоверие официальным структурам.

3.1.2.2. Генерализаторы (местоимения)

Среди значимых параметров медиаманипуляции следует отметить языковые единицы, обладающие обобщенной семантикой и в силу этого придающие тексту характер генерализации (местоимения, наречия). Их использование в медиатекстах нередко связано со стремлением автора повлиять на восприятие адресата, формируя определенные оценочные установки и поведенческие реакции. Так, в приведенном ниже фрагменте мягкая форма манипуляции, основанная на апелляции к коллективной ответственности и моральному единству, реализована с помощью местоимений с обобщенной семантикой (*каждый, наши, мы*). Такие единицы выполняют функцию языковых маркеров генерализации, способствуют созданию эффекта всеобщего согласия и причастности к общей цели: *Для построения Справедливого Казахстана **каждый** наш соотечественник должен стремиться стать ответственным гражданином. Мы должны воспитывать подрастающее поколение как ответственных граждан своей страны. Сегодня уровень влияния **любого** государства во многом определяется силой национального бренда... Думаю, что для **каждого** гражданина нашей страны было бы большой честью стать кавалером орденов, носящих, к примеру, имена Султана Бейбарса и ряда других исторических личностей...* [BaigeNews, 2023].

В числе генерализаторов выделяются личные местоимения, обладающие значительным манипулятивным потенциалом, который проявляется в их способности передавать широкий спектр смыслов и оценок. В медиатекстах активно используются инклюзивное местоимение *мы* и соотнесенное с ним по значению притяжательное местоимение *наши*, позволяющие акцентировать внимание на определенных аспектах высказывания. Они способствуют выстраиванию доверительных отношений с аудиторией и вовлечению адресата в процесс обсуждения. Это создает эффект сопричастности и соучастия, особенно значимый в контексте общественных тем и дискуссий. Таким образом, выбор данных языковых средств выступает важным инструментом воздействия на восприятие аудитории и формирование ее установок: *Если **мы** хотим стать сильной страной, **мы** должны **вместе** найти ответы на фундаментальные вопросы о том, какое будущее **мы** строим, в чем заключается **наша** национальная мечта, каким должен быть гражданин Казахстана, где **наши** точки опоры, в чем состоит миссия **нашей** страны...* [BaigeNews, 2023]. Подобные речевые приемы направлены на формирование эмоционального отклика и незамедлительное управление восприятием аудитории, способствуют закреплению

заложенных установок и ориентиров, что делает их одним из ключевых механизмов скрытого манипулятивного воздействия.

3.1.2.3. Отрицательная модальность, проявляющаяся частотным употреблением слов с приставками *не-*, *противо-*, *анти-*, *а-*, *без-*, частицы *не* и слова *нет*

Отрицательная модальность, характерная для манипулятивных текстов, может выражаться с помощью отрицательной частицы *не*, слова *нет* и лексем с негативной коннотацией. Намеренно частотное использование таких языковых средств формирует негативную оценку описываемых фактов, что является основой для манипулятивного воздействия на адресата. Так, в следующем тексте отрицательная модальность (*нет*, *не работают*, *бесполезна*, *непригодна* и др.) выполняет оценочную функцию, хотя формально выглядит как нейтральная констатация фактов. Однако многочисленные повторы отрицаний создают эффект тотального отсутствия и ощущение безысходности и запущенности, то есть формируют оценку без явного оценочного высказывания. Это скрытое воздействие (на уровне прагматики), направляющее восприятие аудитории в негативное русло: *Централизованного водоснабжения здесь **нет**, большинство местных пробурили собственные скважины, однако, по оценке экологов, эта вода для питья **непригодна**... Света **нет** ни зимой, ни летом. Просили хотя бы основные 4 улицы осветить, несколько фонарей поставить — **бесполезно**. Мусор никто оттуда **не вывозит**, только сваливают... к слову, пасется скот не только в степи, но и в самом жилом массиве, поскольку специально отведенного места под пастбище здесь **нет**. Да, есть правила выпаса скота, но у нас они **не работают**. Пастбища у нас **нет**. ... действующий глава сельского округа **не заинтересован** в развитии села* [SemeyArnasy, 2022].

3.1.3. Синтаксический уровень

Синтаксические конструкции обладают значительным манипулятивным потенциалом. В медиатекстах используются различные типы предложений, способные формировать заданное восприятие информации. К числу таких синтаксических конструкций относятся вопросительные и восклицательные предложения, предложения с двойным отрицанием, конструкции с призывом к действию.

3.1.3.1. Вопросительные предложения

Среди синтаксических средств манипуляции особое место занимают конструкции, содержащие скрытую негативную информацию. К таким конструкциям относятся риторические вопросы и вопросительные предложения, способные содержать разные виды имплицитных смыслов: от информации, которая может восприниматься как фактологические данные, до субъективных, оценочных суждений. Подобные конструкции служат индикаторами ме-

диаманипуляции, особенно в тех случаях, когда их формулировка направлена на побуждение адресата к определенным размышлениям или нужному эмоциональному состоянию. Так, в следующих текстах вопросительные предложения и риторические вопросы создают иллюзию очевидности ответа, не оставляя пространства для альтернативной интерпретации: *А ничего, что многие отапливаются на электричестве? Чем вы думали, когда было еще тепло? Почему наш акимат хватается за все в последний момент? Вы специально ждали похолодания? Никогда не думаете о жителях!* [Пятый регион, 2020]. *Откуда берутся эти инспираторы, призывающие к возвращению во власть диктаторов, подобных усатому вождю? Кто те люди, которые так радуют за восстановление прежних методов контроля государства над обществом и личностью? В чем их интерес, и есть ли в таких призывах хоть малая толика здравого смысла? Но зачем, с какой целью подобные лобби-ресурсы столь активно проповедуют сталинизм и советскую эпоху?* [Central Azia Monitor 2, 2020]. *Неужели государство считает, что может заткнуть рот людям, раздав каждому по миллиону?! Разве есть такая сумма, которая стоила бы жизни человека?* [Kz.media, 2019].

Целенаправленное использование подобных языковых средств в медиатексте способствует формированию у аудитории чувства негодования, возмущения. В приведенных примерах акимату приписываются негативные намерения (*хватается за все в последний момент*), государству — стремление ограничить свободу выражения мнений (*считает, что может заткнуть рот людям*). При этом обвинения не подкрепляются фактическими доказательствами, что усиливает субъективно-оценочный характер высказывания.

3.1.3.2. Восклицательные конструкции

Особый манипулятивный эффект проявляется в восклицательных конструкциях. Их манипулятивный потенциал обусловлен высокой эмоциональной заряженностью и способностью усиливать воздействие на аудиторию. Целенаправленное использование таких конструкций активизирует эмоциональную сферу восприятия, провоцируя импульсивные реакции и формируя у адресата ощущение сопричастности к происходящему. К примеру, в приведенном ниже тексте восклицательные предложения создают эффект неоспоримости высказываемого мнения, усиливают эмоциональное напряжение и апеллируют к чувствам адресата, вызывая их сочувствие: *Зачем нам нужно ждать комиссию, если наши дома затоплены по самую крышу?! Неужели и так не видно, что они не пригодны для жилья, что там всю мебель и технику теперь нужно выбрасывать?!* [Nur.kz, 2024].

Инструментом воздействия на восприятие аудитории являются восклицательные предложения и в следующем фрагменте медиатекста. При этом

воздействие происходит не через аргументацию, а через эмоциональное давление: *И тут доходит информация, что два препарата в этом году в Казахстан вообще поставлять не будут! И все эти новости, которые напрямую касаются здоровья наших детей, мы узнаем самыми последними — и то только потому, что шум подняли!* [Время, 2025]. Манипулятивность данного фрагмента проявляется в эмоциональной апелляции, в использовании восклицательных конструкций, создающих иллюзию очевидности, и в скрытой передаче негативной оценки властных структур без прямого обвинения.

3.1.3.3. Предложения с двойным отрицанием

Предложения с двойным отрицанием представляют собой еще один значимый инструмент медиаманипуляции, позволяющий формировать общественное мнение без открытого давления. Использование синтаксических конструкций с усиленным отрицанием дает возможность автору создать иллюзию объективности и уверенности в своих утверждениях. В исследуемом материале конструкции с двойным отрицанием, как правило, включают отрицательное местоимение, наречие и прилагательную частицу **не**: *Никто не говорит* им: *вы коррупционеры, вы неэффективно нами правите. И тем более никто не интересуется, откуда у них деньги, машины, дома и так далее* [Central Azia Monitor 1, 2020]. В данном фрагменте двойное отрицание усиливает категоричность утверждения, создавая впечатление полной бесконтрольности и безнаказанности представителей власти. Такая конструкция позволяет акцентировать масштаб и очевидность проблемы, побуждая адресата к эмоциональной реакции, вызывает недоверие к субъектам власти. Двойное отрицание выступает средством скрытого оценочного воздействия, формируя у аудитории ощущение социальной несправедливости и побуждая ее к определенной позиции или действию.

3.1.3.4. Императивные конструкции

К значимым параметрам медиаманипулирования также относятся императивные конструкции — высказывания с призывом к действию. Такие предложения активно используются в медиатекстах политической, социальной, экономической направленности с целью эмоционального давления на адресата и формирования ощущения необходимости определенных действий. Использование императивных глаголов создает впечатление безальтернативности предложенных действий. Так, манипулятивный характер текста, обусловленный утверждением определенного взгляда на политику государства, можно наблюдать в следующем примере: *Поскольку у нас светское государство, то необходимо больше поднимать и продвигать такое понятие, как «светскость». ... Для этого государство должно развивать науку для достижения открытий и получения преимущества*

перед другими странами... **Пришло время более строго ориентироваться** на Конституцию страны с опорой на светский характер государства, степные традиции и национальную культуру... **Необходимо вытеснять** пропаганду идеологии религиозных радикалов, ортодоксов, приверженцев «настоящего» Ислама, посредством которой растет количество их сторонников... в то же время на государственном уровне **необходимо изучение** и пропаганда традиционного Ислама, национальной культуры, языка, одежды, **уделять** большое внимание национальной идеологии для противодействия религиозному радикализму и экстремизму [Qazaquni.kz, 2024]. В данном фрагменте присутствует манипуляция, реализуемая через конструкции с модальными императивами (*нужно изучать, необходимо вытеснять*). Использование таких конструкций ограничивает восприятие возможных вариантов действий. Автор навязывает оценочные установки, формируя бинарную оппозицию «правильное / неправильное», «свое / чужое». Директивные высказывания под видом рекомендаций фактически управляют восприятием аудитории и, маскируя ценностное воздействие под рациональный призыв, внушают аудитории необходимость действий, соответствующих идеологической позиции автора.

3.1.4. Графический уровень

Манипуляция представляет собой комплексное действие, которое может быть актуализировано как через вербальные, так и невербальные, паравербальные, графические средства. Маркером манипулятивности может служить использование в медиатексте прописных букв. Очевидно, что само по себе применение букв верхнего регистра не является прямым показателем манипулятивности. Эффективность такого приема в воздействии на аудиторию определяется контекстом его использования и целевой установкой автора. По данным нашего материала, буквы верхнего регистра применяются как для привлечения внимания к сообщению и создания впечатления важности информации, так и для формирования негативного отношения к отдельным аспектам передаваемой информации. При этом в одних случаях автор выделяет одно значимое слово, акцентируя на нем основную эмоцию (как правило, слово с эмоционально-оценочной коннотацией); в других — выделяются отдельные буквы внутри слова для привлечения внимания к его измененной форме: *Неужели описанный небольшой фрагмент из нашей сегодняшней жизни и есть **НОВЫЙ, СПРАВЕДЛИВЫЙ, ЧЕСТНЫЙ КАЗАХСТАН** с ЕГО **СЛЫШАЩИМ РУКОВОДСТВОМ**, М.. ДА,, **НА КОГО РАСЧИТАНА ТАКАЯ ПРОПАГАНДА?** **ЛЮДИ-ТО ВСЕ ВИДЯТ И ПОНИМАЮТ...*** [Vision, 2023]. Манипуляция в данном тексте выражается, прежде всего, в ироническом противопоставлении официальных лозунгов и реальной действительности через риторические вопросы и апелляцию к мнимому большинству. Графи-

ческие же средства — использование прописных букв, многоточий — усиливают эмоциональное воздействие, создавая эффект обличительного высказывания и повышая внушающую силу текста.

3.1.4.1. Использование кавычек

Параметром медиаманипулирования могут выступать кавычки как графическое средство выделения сегментов текста с повышенной смысловой или эмоциональной экспрессией. Намеренное использование кавычек указывает на необычное, ироничное или дистанцированное употребление заковыченной единицы. В медиатексте такие элементы служат для выражения скептического, негативного или ироничного отношения автора к описываемым фактам, усиливают эмоциональную окраску текста и вызывают у адресата дополнительные ассоциации, что может способствовать изменению восприятия и оценок информации. Так, в следующем фрагменте кавычки выполняют ироническую функцию, демонстрируя недоверие автора к официальной позиции и ставя под сомнение искренность и эффективность действий следственных органов. Это создает манипулятивный эффект, так как побуждает адресата воспринимать действия власти как фиктивные и формирует эмоционально-негативную оценку происходящего. Таким образом, кавычки выступают средством скрытого оценочного воздействия, усиливающим критический настрой адресата: *То есть ввиду этого информационного вакуума мы лишь видим, как следствие «активно работает», но не над установлением конкретных лиц, виновных в заговоре против государства и общества, а над размытием истинного масштаба произошедшей трагедии...*» [Мк.ru, 2022].

3.2. Распознавание лингвистических параметров медиаманипулирования с применением цифровых технологий

Лингвистические параметры, выявленные в ходе исследования, были проанализированы с точки зрения их потенциальной алгоритмизации, поскольку автоматическое распознавание отдельных параметров оказывается затруднительным или принципиально невозможным.

Для распознавания манипулятивности медиатекстов применялись два подхода: (1) лексико-словарный и (2) алгоритмический, базирующийся на методах автоматической обработки текстов.

3.2.1. Лингвистические параметры: лексико-словарный подход

При проведении анализа был использован язык программирования Python, позволивший оцифровать корпус текстов и произвести автоматическое сопоставление лексем с предварительно составленными словарями [Active Python Releases, 2020].

В ходе работы было сформировано четырнадцать тематических словарей, включающих лексические единицы, обладающие манипулятивным по-

тенциалом. Словари охватывают следующие группы: словарь негативной лексики; словарь разговорной и жаргонной лексики; словарь инвективной лексики; словарь генерализаторов (местоимений); словарь интенсификаторов (усилительных слов); словарь единиц с приставками *не-*, *противо-*, *анти-*, *а-*, *без-*; словарь аббревиатур, применяемый в алгоритмах фильтрации заглавных буквенных конструкций, не имеющих манипулятивного содержания. Нужно отметить, что состав словарей остается открытым для дальнейшего расширения с учетом обновления лексикографических источников и появления новых контекстуально значимых единиц.

3.2.2. Лингвистические параметры: алгоритмический подход

При описании алгоритмов мы опирались на язык программного обеспечения *Python*. В качестве основных библиотек, используемых работе, установлены *pandas*, *numpy*. Нами были алгоритмизированы следующие параметры: буквы верхнего регистра, использование кавычек, высокая частотность употребления частицы *не*, употребление слова *нет*, вопросительные предложения, восклицательные предложения, предложения с двойным отрицанием, конструкции с призывом к действию. Данный инструментарий частично описан в одной из предыдущих публикаций [Parameterization ..., 2024]. Для алгоритмизации ряда параметров на уровне синтаксиса предварительно были определены наиболее распространенные модели конструкций, отличающихся манипулятивным потенциалом. По каждой модели были прописаны алгоритмы.

1) Буквы верхнего регистра

Начальный этап работы предполагал количественный подсчет единиц с прописными буквами. При этом использовалась функция `isupper()`, которая предусматривает проверку каждого символа, передаваемого через параметр «прописной символ», длина слова >1 . Для исключения из данного признака неманипулятивных буквенных аббревиатур, состоящих из прописных букв, был загружен словарь аббревиатур. Количественный подсчет проводился с использованием функции `apply`. Далее было проведено преобразование текстов в нижний регистр, что позволило избежать нескольких копий одних и тех же единиц.

2) Использование кавычек

Для подсчета кавычек была использована функция `startswith()`. При этом учитывалось, что кавычки могут быть представлены разными символами, типа `"`, `'`, `“`, `»`. При подсчете также учитывалось количество единиц, заключенных в кавычки — не более трех слов.

3—4) *Высокая частотность употребления частицы «не» и употребление слова «нет»*. Количественные показатели частицы *не* и слова *нет* в каждом тексте определялось с помощью функции `apply()`.

5) *Вопросительные предложения и восклицательные предложения*. Данные параметры более подробно описаны в одной из публикаций [Шакинова и др., 2020]. С помощью функции `endswith()` был проведен количественный подсчет вопросительных предложений (функция возвращает флаг, указывающий на то, заканчивается ли строка с `?`), восклицательных предложений (функция возвращает флаг, указывающий на то, заканчивается ли строка с `!`). По данным параметрам предварительно была проведена работа по формализации правил (например, Что за + `!`; разве + `?`), однако по ряду конструкций типа «Верьте!», «Жизнь!», «Не понимаю?» алгоритмизация оказалась невозможной. Довольно большой пласт таких конструкций машиной не был бы распознан, в связи с чем было принято решение в качестве ориентира определить пунктуацию в конце предложения (знаки `!` или `?`).

6—7) *Предложения с двойным отрицанием и конструкции с призывом к действию*. Подробная информация об этих параметрах также представлена в одной из предыдущих публикаций [Шакинова и др., 2020]. Алгоритмы были прописаны по каждой оформленной модели. К примеру, для модели конструкции с двойным отрицанием задается команда поиска в тексте двух элементов с отрицанием «никто + 1—3 шага + «не».

3.2.3. Методологические и технические трудности

В процессе реализации проекта были выявлены следующие сложности

(1) Расширение корпуса

Пополнение корпуса новыми казахстанскими медиатекстами за последние 5 лет потребовало значительных временных и организационных затрат в связи с необходимостью соблюдения критериев репрезентативности и актуальности корпуса.

(2) Концептуальная неоднородность понятия «манипуляция»

Отсутствие единых научных подходов к определению манипуляции потребовало авторской операционализации понятий и уточнения методологических ориентиров.

(3) Субъективизм при ручной идентификации

Процесс отбора манипулятивных текстов и их параметров вручную сопряжен с высоким риском субъективной интерпретации, что стало основанием для обращения к цифровым средствам и автоматизированным методам анализа.

(4) Недостаточная разработанность критериев распознавания

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных изучению средств манипуляции, сохраняется необходимость в разработке более четких оснований и критериев их выделения и описания (от интенций автора, когнитивных намерений, прагматической установки до языковых, речевых и стилистических приемов). В своей работе мы намеренно

отошли от анализа речевых средств манипуляции, поскольку при машинном (автоматическом) анализе выявление экстралингвистической составляющей текста представляется затруднительным.

(5) Ограниченность перечня параметров

Представленный перечень лингвистических параметров медиаманипулирования не является исчерпывающим. В медиатекстах используются разнообразные языковые средства и способы манипулятивного воздействия, отдельные из которых, несмотря на невысокую степень частотности, могут выступать достаточно эффективными инструментами манипуляции.

(6) Невозможность алгоритмизации части языковых феноменов

Как отмечалось ранее, ряд параметров медиаманипулирования был исключен из списка в связи со сложностью и в отдельных случаях — невозможностью их алгоритмизации. Подобные случаи обусловлены многозначностью и омонимией лексем, с различными способами трансформации языковых единиц в медиадискурсе. В настоящее время ведутся исследования, направленные на совершенствование методов автоматического распознавания подобных сложных языковых явлений. Такого рода исследования представляются перспективными в контексте дальнейшего развития компьютерной лингвистики и автоматизированного анализа медиатекстов.

(7) Сложности синтаксической формализации

При проведении исследования одной из сложных задач оказался процесс формализации лингвистических параметров на синтаксическом уровне. Была предпринята попытка формализовать ряд синтаксических конструкций, обладающих манипулятивным потенциалом, и представить их модели (правила). К числу таких конструкций относятся предложения с двойным отрицанием, предложения с призывами к действию, восклицательные и вопросительные предложения. Такие синтаксические конструкции рассматривались как финитные клаузы (предикации), в которых предикат соотносится с 5—7 контекстуально связанными единицами, преимущественно словами с негативной семантикой и морфологическими единицами (наречиями, частицами, местоимениями). Следует отметить, что отдельные синтаксические конструкции не удалось подвергнуть подобной формализации, что указывает на необходимость дальнейших исследований и разработки более гибких моделей анализа.

(8) Ограниченность автоматизированных моделей

Предлагаемая в исследовании методика анализа медиатекстов, как и автоматизированные модели их распознавания, не лишена ограничений. Вопрос о возможности создания автоматизированной программы для определения манипулятивности текста остается открытым. По справедливому замечанию исследователей, окончательное решение о манипулятивности /

неманипулятивности текста «должен принимать человек, а не машина» [Копнина, 2021]. Тем не менее цифровые технологии представляют собой необходимый инструмент для эффективной обработки больших массивов данных в условиях постоянного обновления медиаконтента. В связи с этим разработка и внедрение цифровых методов распознавания манипулятивного медиадискурса представляется не только актуальной, но и стратегически значимой задачей для современной лингвистики и медиакоммуникаций.

4. Заключение = Conclusions

В условиях современного информационного общества медиаманипулирование выступает одной из ключевых угроз информационной безопасности общества. Особенно остро данная проблема проявляется на фоне стремительного развития цифровых технологий, социальных медиа и алгоритмов подбора контента под интересы пользователя.

В статье представлены результаты лингвистического анализа параметров медиаманипулирования с опорой на цифровые инструменты и технологии автоматизированной обработки текстов. Изучение лингвистических характеристик манипулятивного воздействия позволяет глубже понять, каким образом медиатексты конструируются для формирования определенных эмоциональных реакций и влияния на восприятие аудитории.

В рамках предложенного подхода были сформированы словари, включающие лексику с манипулятивным потенциалом, а также разработаны формализованные правила для распознавания ряда структурных и синтаксических параметров. Применение языка программирования Python и библиотек автоматической обработки естественного языка обеспечило создание воспроизводимой методики, пригодной для масштабирования на большие массивы данных.

Очевидно, что предложенная методика лингвистической параметризации медиаманипулирования с применением цифровых технологий требует дальнейшего совершенствования. К приоритетным направлениям доработки относятся расширение и актуализация лексико-семантических словарей; уточнение алгоритмов обработки синтаксических и прагматических структур, а также интеграция методов машинного обучения и глубинного анализа контекста.

Тем не менее уже на текущем этапе разработанный подход демонстрирует значительный потенциал как возможный инструмент анализа крупных корпусов медиатекстов, позволяющий выявлять скрытые механизмы манипулятивного воздействия. Полученные результаты приобретают особое значение в контексте медиаобразования: они могут быть использованы при создании образовательных модулей, направленных на развитие критического мышления и повышение уровня медиаграмотности.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Время — *Масалева А.* Совсем сбрендил [Электронный ресурс] / А. Масалева // Время. — Режим доступа : <https://time.kz/articles/ukogo/2025/02/05/sovsem-sbrendili> (дата обращения 05.04.2025).

2. Всем.ру — *Александрович С.* Казахстан на грани : почему пора валить, пока не поздно 2025 год. Казахстан [Электронный ресурс] / С. Александрович // Всем.ру. — Режим доступа : https://wsem.ru/publications/2025_kazakhstan_na_grani_pochemu_pora_valit_poka_ne_pozdno_31905/ (дата обращения 03.04.2025).

3. Караван — *Британова С.* Что делать, если частный судебный исполнитель сам нарушает законы [Электронный ресурс] / С. Британова // Караван. 07.04.2022. — Режим доступа : <https://www.caravan.kz/articles/chto-delat-esli-chastnyyjj-sudebnyjj-ispolnitel-sam-narushaet-zakony-832658/> (дата обращения 03.03.2024).

4. Пятый канал — *Склоки*, подставы и истерики: новый поворот в деле Бишимбаева рискует спровоцировать новый скандал [Электронный ресурс] // Пятый канал. — Режим доступа : <https://dzen.ru/a/Z4zz7Y4zNwusenpo> (дата обращения 21.06.2025.).

5. Пятый регион — *Шарип Т.* Отключите тогда уж свет навсегда [Электронный ресурс] / Т. Шарип // Пятый регион. — Режим доступа : https://5region.kz/posts/index/*?slug=«otklyuchite-togda-ugh-svet-navsegda-ghiteli-sela-bayserke-vozmuscheny-rabotoy-res (дата обращения 15.05.2022).

6. Active Python — *Active Python Releases* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.python.org/downloads/> (accessed 03.04.2024).

7. BaigeNews — О чём говорил Токаев на заседании Национального курултая : опубликован полный текст выступления [Электронный ресурс] // BaigeNews. — Режим доступа : https://baigenews.kz/o-chyom-govoril-tokaev-na-zasedanii-natsionalnogo-kurultaya-opublikovan-polnyy-tekst-vystupleniya_154817/ (дата обращения 30.06.2024).

8. Central Azia Monitor 1 — *Омирбек А.* Заслуживает ли народ Казахстана ту власть, которую имеет? [Электронный ресурс] / А. Омирбек // Central Azia Monitor. — Режим доступа : <https://camonitor.kz/35917-zasluzhivaet-li-narod-kazahstana-tu-vlast-kotoruyu-imet.html> (дата обращения 19.04.2024).

9. Central Azia Monitor 2 — *Татиля К.* «Нам нужен Сталин». В чем опасность этой фразы для Казахстана? [Электронный ресурс] / К. Татиля // Central Azia Monito. — Режим доступа : <https://camonitor.kz/35981-nam-nuzhen-stalin-v-chem-opasnost-etoy-frazy-dlya-kazahstana.html> (дата обращения 12.05.2024).

10. Edelman — *Edelman Trust Barometer 2025*. Global Report : Trust and the Crisis of Grievance [Electronic resource]. — Access mode : https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2025-01/2025_%20Edelman_%20Trust_%20Barometer_%20Global_%20Report_01.23.25.pdf (accessed 04.06.2025).

11. Kursiv.media — *Тукушева А.* Адвокаты Бишимбаева настаивают на пересмотре дела и обвиняют подруг Нукуновой [Электронный ресурс] // Kursiv.media. — Режим доступа : <https://kz.kursiv.media/2024-03-11/tksh-bishimbayev-sud-predvaritelnyye/> (дата обращения 03.04.2024).

12. Kz.expert 1 — *Обречен* исправлять. Почему Токаев стал заложником Назарбаева? [Электронный ресурс] // Kz.expert. — Режим доступа : <https://respublika.kz.media/archives/139304> (дата обращения. 06.06.2025).

13. Kz.expert 2 — *Почему* власти молчат про трагические события декабря? Размышляем накануне Дня независимости [Электронный ресурс] // Kz.expert. — Режим доступа : <https://respublika.kz.media/archives/136325> (дата обращения 25.12.2024).

14. Kz.media — *Помним* Жанаозен. «Их раздевали, били, таскали за волосы...» [Электронный ресурс] // Kz.media. — Режим доступа : <https://respublika.kz.media/archives/4813> (дата обращения 09.05.2024).

15. Мк.ру — *Алтаев Д.* Полузабытый январь. Кто на самом деле стоит за событиями января? [Электронный ресурс] / Д. Алтаев // MK.RU. — Режим доступа : <https://mk.kz/incident/2022/07/06/poluzabytyi-yanvar-kto-na-samom-dele-stoit-za-sobytiyami-yanvarya.html> (дата обращения 17.03.2024).

16. Nur.kz — *Ермолаева А.* Останемся бездомными?... Nur.kz [Электронный ресурс] / А. Ермолаева. — Режим доступа : <https://www.nur.kz/society/2093546-ostanemysya-bezdomnymi-dachniki-sryvalis-na-krik-i-slezy-na-vstreche-s-akimom-uralska-video/> (дата обращения 28.07.2024).

17. Qazaquni.kz — *Елдес Е.* Введение шариата в РК — недопустимо! [Электронный ресурс] / Е. Елдес // Qazaquni.kz. — Режим доступа : <https://qazaquni.kz/ru/163088-vvedenie-sariata-v-rk-nedorustimo> (дата обращения 21.07.2024).

18. Vision — *Шарипов Б.* Будни и "блестки" павлодарской, казахстанской (и не только) жизни [Электронный ресурс] / Б. Шарипов. — Режим доступа : <https://yvision.kz/post/budni-i-blestki-pavlodarskoy-kazahstanskoy-i-ne-tolko-zhizni-989961> (дата обращения 11.06.2024).

19. SemeyArnasy — *Омарканова Н.* Жители Иртышского сельского округа пожаловались на работу местного акима [Электронный ресурс] / Н. Омарканова // SemeyArnasy. — Режим доступа : <https://semeyainasy.media/2022/12/19/zhiteli-irtyshskogo-selskogo-okruga-pozhalovalis-na-rabotu-mestnogo-akima/> (дата обращения 19.12.2022).

20. Zakon.kz — *Мёртвый* груз. Почему чиновники даже не пытаются полностью освоить бюджет? [Электронный ресурс] // Zakon.kz. — Режим доступа : <https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4854749-mjortvyjj-gruz.-pochemu-chinovniki.html> (дата обращения 25.11.2022).

Литература

1. *Амириду С.* Эмотивная лексика как манипулятивный маркер деструкции в мигрантоориентированном дискурсе массмедиа : на материале Евросоюза, России, Армении и Казахстана / С. Амириду, М. Д. Лагуткина, М. С. Джилкишиева // Медиалингвистика. — 2023. — № 10 (3). — С. 284—300. — DOI: 10.21638/spbu22.2023.301.

2. *Вестербай С. Д.* Медиапотребление и дезинформация в Центральной Азии : количественная и качественная оценка в контексте геополитики : исследование European Neighbourhood Council / С. Д. Вестербай, Ш. Джураев, А. Маразис. — [б. м.] : Internews Europe, 2023. — 71 с.

3. *Горностаева Ю. А.* Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе : опыт параметризации и автоматической обработки : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Ю. А. Горностаева. — Красноярск, 2018. — 191 с.

4. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А. А. Данилова. — Москва : Добросвет, КДУ, 2009. — 232 с. — ISBN 978-5-98227-613-1.

5. Дзялошинский И. М. Российские медиа в период пандемии. Статья вторая : медиа-манипуляции как ресурс воздействия на сознание и поведение людей / И. М. Дзялошинский, М. И. Дзялошинская // Вопросы журналистики. — 2022. — № 12. — С. 5—45. — DOI: 10.17223/26188422/12/1.

6. Доценко Е. Л. Психология манипуляции : феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — Москва : Изд-во МГУ, 1997. — 344 с.

7. Казаков А. А. Манипулятивный потенциал поляризованного политического медиатекста : вариант измерения / А. А. Казаков // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. — 2018. — № 6. — С. 75—93.

8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Эксмо, 2001. — 832 с. — ISBN 978-5-00180-783-4.

9. Карабулатова И. С. Специфика лингвистической параметризации деструктивного массмедийного текста с обесцениванием исторической памяти / И. С. Карабулатова, Г. А. Копнина // Медиалингвистика. — 2023. — № 10 (3). — С. 319—335. — DOI: 10.21638/spbu22.2023.303.

10. Кенжебалина Г. Н. Распознавание манипулятивного текста : структура и доминантные языковые параметры / Г. Н. Кенжебалина, Г. К. Шаикова, М. Т. Шакенова, И. Г. Акоева // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 105—125. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-105-125.

11. Копнина Г. А. Речевая манипуляция в массмедийном тексте / дискурсе : проблема распознавания [Электронный ресурс] / Г. А. Копнина // Филология и человек. — 2021. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-manipulyatsiya-v-massmediynom-tekste-diskurse-problema-raspoznavaniya> (дата обращения 04.08.2024).

12. Наварастян Л. Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / Л. Г. Наварастян. — Саратов, 2017. — 23 с.

13. Шакенова М. Т. Лексико-грамматические маркеры манипулятивности массмедийного дискурса (на материале корпуса русскоязычных текстов СМИ в Республике Казахстан) / М. Т. Шакенова, Д. С. Ташимханова, У. А. Оспанова, Т. К. Булдыбаев // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 141—160. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-141-160.

14. Dijk T. A. van. Discourse and manipulation / T. A. van Dijk // Discourse and Society. — 2006. — № 17 (2). — Pp. 359—383.

15. Maillat D. Constraining context selection : On the pragmatic inevitability of manipulation / D. Maillat // Journal of Pragmatics. — 2013. — № 59. — Pp. 190—199.

16. Shakenova M. Parameterization of manipulative media discourse : possibilities and problems of automatic diagnosis / M. Shakenova, D. Tashimkhanova, G. Shaikova, U. Ospanova, O. Popovich // Digital Scholarship in the Humanities. — 2024. — Volume 39. — Pp. 746—755. — DOI: <https://doi.org/10.1093/llc/fqae024>.

Статья поступила в редакцию 18.06.2025,
одобрена после рецензирования 20.08.2025,
подготовлена к публикации 09.11.2025.

Material resources

- Active Python — *Active Python Releases*. Available at: <https://www.python.org/downloads/> (accessed 03.04.2024).
- BaigeNews — What Tokayev said at the meeting of the National Kurultai: the full text of his speech has been published. *BaigeNews*. Available at: https://baigenews.kz/o-chyom-govoril-tokaev-na-zasedanii-natsionalnogo-kurultaya-opublikovan-polnyy-tekst-vystupleniya_154817/ (accessed 30.06.2024). (In Russ.).
- Central Asia Monitor 1 — Omirbek, A. Do the people of Kazakhstan deserve the power they have? *Central Asia Monitor*. Available at: <https://camonitor.kz/35917-zasluzhivaet-li-narod-kazahstana-tu-vlast-kotoruyu-imeet.html> (accessed 19.04.2024). (In Russ.).
- Central Asia Monitor 2 — Tatilya, K. “We need Stalin.” What is the danger of this phrase for Kazakhstan? *Central Asia Monitor*. Available at: <https://camonitor.kz/35981-nam-nuzhen-stalin-v-chem-opasnost-etoy-frazy-dlya-kazahstana.html> (accessed 12.05.2024). (In Russ.).
- Channel Five — Squabbles, setups and tantrums: a new twist in the Bishimbayev case risks provoking a new scandal. *Channel Five*. Available at: <https://dzen.ru/a/Z4zz7Y4zN-wusenpo> (accessed 21.06.2025). (In Russ.).
- Edelman — *Edelman Trust Barometer 2025. Global Report Trust and the Crisis of Grievance*. Available at: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2025-01/2025%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_01.23.25.pdf (accessed 04.06.2025).
- Fifth region — Sharip, T. Turn off the light forever. *Fifth region*. Available at: [https://5region.kz/posts/index/*?slug="otklyuchite-togda-ugh-svet-navsegda-ghiteli-sela-bayserke-vozmuscheny-rabotoy-res](https://5region.kz/posts/index/*?slug=) (accessed 15.05.2022). (In Russ.).
- Karavan — Britanova, S. (2022). What to do if a private bailiff violates the laws himself. *Caravan*. Available at: <https://www.caravan.kz/articles/chto-delat-esli-chastnyjj-sudebnyjj-ispolnitel-sam-narushaet-zakony-832658/> (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- Kursiv.media — Tuskusheva, A. Bishimbayev’s lawyers insist on reviewing the case and accuse Nukenova’s friends. *Kursiv.media*. Available at: <https://kz.kursiv.media/2024-03-11/tksh-bishimbayev-sud-predvaritelnyye/> (accessed 04.03.2024). (In Russ.).
- Kz.expert 1 — Doomed to fix. Why did Tokayev become Nazarbayev’s hostage? *Kz.expert*. Available at: <https://respublika.kz.media/archives/139304> (accessed 06.06.2025). (In Russ.).
- Kz.expert 2 — Why are the authorities silent about the tragic events of December? Reflecting on the eve of Independence Day. *Kz.expert*. Available at: <https://respublika.kz.media/archives/136325> (accessed 25.12.2024). (In Russ.).
- Kz.media — We remember Zhanaozen. “They were stripped, beaten, dragged by the hair...”. *Kz.media*. Available at: <https://respublika.kz.media/archives/4813> (accessed 05.09.2024). (In Russ.).
- Nur.kz — Ermolaeva, A. *Will we stay homeless? ... Nur.kz*. Available at: <https://www.nur.kz/society/2093546-ostanemsya-bezdomnymi-dachniki-sryvalis-na-krik-i-slezy-navstreche-s-akimom-uralska-video/> (accessed 28.07.2024). (In Russ.).
- Qazaquni.kz — Eldes, E. The introduction of Sharia law in the Republic of Kazakhstan is unacceptable! *Qazaquni.kz*. Available at: <https://qazaquni.kz/ru/163088-vvedenie-sariata-v-rk-nedopustimo> (accessed 21.07.2024). (In Russ.).

- SemeyArnasy — Omarkanova, N. Residents of the Irtysh rural district complained about the work of the local akim. *SemeyArnasy*. Available at: <https://semeyainasy.media/2022/12/19/zhiteli-irtyshskogo-selskogo-okruga-pozhalovalis-na-rabotu-mestnogo-akima/> (accessed 19.12.2022). (In Russ.).
- Time — Masaleva, A. They went completely crazy. *Time*. Available at: <https://time.kz/articles/ukogo/2025/02/05/sovsem-sbrendili> (accessed 04.05.2025). (In Russ.).
- To all.ru — Alekandrovich, S. *Kazakhstan is on the verge: why it's time to get out before it's too late 2025*. Kazakhstan. Available at: https://wsem.ru/publications/2025_kazakhstan_na_grani_pochemu_pora_valit_poka_ne_pozdno_31905/ (accessed 03.04.2025). (In Russ.).
- Vision — Sharipov, B. *Everyday life and the “sparkles” of Pavlodar, Kazakhstan (and not only) life*. Available at: <https://yvision.kz/post/budni-i-blestki-pavlodarsky-kazakhstan-sky-i-ne-tolko-zhizni-989961> (accessed 11.06.2024). (In Russ.).
- Zakon.kz is a dead weight. Why aren't officials even trying to fully master the budget? *Zakon.kz*. Available at: <https://www.zakon.kz/redaktsiia-zakonkz/4854749-mjortvyjgruz.-pochemu-chinovniki.html> (accessed 25.11.2022). (In Russ.).
- Мк.ги — Altaev, D. The half-forgotten January. Who is really behind the events of January? *MK.RU*. Available at: <https://mk-kz.kz/incident/2022/07/06/poluzabytyi-yanvar-ktona-samom-dele-stoit-za-sobytyami-yanvarya.html> (accessed 17.03.2024). (In Russ.).

References

- Amiridu, S., Lagutkina, M. D., Dzhilkishieva, M. S. (2023). Emotive vocabulary as a manipulative marker of destruction in the migrant-oriented mass media discourse: on the material of the European Union, Russia, Armenia and Kazakhstan. *Media linguistics*, 10 (3): 284—300. DOI: 10.21638/spbu22.2023.301. (In Russ.).
- Danilova, A. A. (2009). *Manipulation of the word in the mass media*. Moscow: Dobrosvet, KDU. 232 p. ISBN 978-5-98227-613-1. (In Russ.).
- Dijk, T. A. van. (2006). Discourse and manipulation. *Discourse and Society*, 17 (2): 359—383.
- Dotsenko, E. L. (1997). *Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 344 p. (In Russ.).
- Dzyaloshinsky, I. M., Dzyaloshinskaya, M. I. (2022). Russian media in the period of the pandemic. The second article: Media manipulation as a resource for influencing people's consciousness and behavior. *Questions of journalism*, 12: 5—45. DOI: 10.17223/26188422/12/1. (In Russ.).
- Gornostaeva, Yu. A. (2018). *Verbal markers of manipulation in English-language polarized political discourse: experience of parameterization and automatic processing*. PhD Diss. Krasnoyarsk. 191 p. (In Russ.).
- Karabulatova, I. S., Kopnina, G. A. (2023). Specificity of linguistic parameterization of destructive mass media text with devaluation of historical memory. *Media linguistics*, 10 (3): 319—335. DOI: 10.21638/spbu22.2023.303. (In Russ.).
- Kara—Murza, S. G. (2001). *Manipulation of consciousness*. Moscow: Eksmo. 832 p. ISBN 978-5-00180-783-4. (In Russ.).
- Kazakov, A. A. (2018). The manipulative potential of a polarized political media text: a measurement option. *Bulletin of the Moscow University, Ser. 10. Journalism*, 6: 75—93. (In Russ.).
- Kenzhebalina, G. N., Shaikova, G. K., Shakenova, M. T., Akoyeva, I. G. (2020). Recognition of Manipulative Text: Structure and Dominant Language Parameters. *Nauch-*

- nyi dialog*, 7: 105—125. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-105-125>. (In Russ.).
- Kopnina, G. A. (2021). Speech manipulation in mass media text / discourse: the problem of recognition. *Philology and man*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-manipulyatsiya-v-massmediynom-tekste-diskurse-problema-raspoznaniya> (accessed 04.08.2024). (In Russ.).
- Maillat, D. (2013). Constraining context selection: On the pragmatic inevitability of manipulation. *Journal of Pragmatics*, 59: 190—199.
- Navarastyan, L. G. (2017). *Linguistic means and speech techniques of information manipulation in the media (based on the material of Russian newspapers)*. Author's abstract of PhD Diss. Saratov. 23 p. (In Russ.).
- Shakenova, M. T., Tashimkhanova, D. S., Ospanova, U. A. (2020). Lexico-grammatical markers of manipulateness of mass media discourse (based on the corpus of Russian-language media texts in the Republic of Kazakhstan). *Nauchnyi dialog*, 2: 141—160. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-141-160. (In Russ.).
- Shakenova, M., Tashimkhanova, D. S., Ospanova, U. A., Popovich, O. (2024). Parameterization of manipulative media discourse: possibilities and problems of automatic diagnosis. *Digital Scholarship in the Humanities*, 39: 746—755. DOI: <https://doi.org/10.1093/lc/fqae024>.
- Vesterbai, S. D., Juraev, Sh., Marazis, A. (2023). *Media consumption and disinformation in Central Asia: quantitative and qualitative assessment in the context of geopolitics: a study by the European Neighborhood Council*. [b. m.]: Internews Europe. 71 p. (In Russ.).

*The article was submitted 18.06.2025;
approved after reviewing 20.08.2025;
accepted for publication 09.11.2025.*